

адвокат:

– Господа, знаете ли что? Мы сюда явились по своей воле, да, кроме того, все земляки, и я не буду ничего от вас скрывать. Сознаюсь вам откровенно, сколько я лукавил и криводушничал в своих речах и тяжбах против многих бедных людей. Бывало, вот-вот они, кажется, выиграют процесс, а я поверну дело так, что сам черт не разберет, кто истец, а кто ответчик, – и, глядишь, процесс в нашу пользу. Грабил я бедняков без зазрения совести и накопил денег столько, что мне и половины за глаза хватило бы. И столько я чинил беззаконий, что и перечесть невозможно. И потому мой исповедник обязал меня творить отныне добрые дела за все содеянное зло и велел мне, ежели будет возможно, вложить деньги в сооружение какой-нибудь красивой часовни. И я дал обет, что вложу в эту часовню все, мною награбленное.

Тогда говорит сержант:

– Господа, знаете ли что? Сдается мне, что среди нас четверых нет подлее меня, – столько я бесчинствовал и жульничал. Я несправедливо и без всякой на то причины обвинял людей и сажал в тюрьму тех, кто ни сном ни духом виноват не был, и порол бедняков направо и налево, а их добро утаивал от казны и удерживал для себя. И столько я обманывал, мошенничал, столько обирал и грабил что богатых, что бедных, – прямо уж и не знаю, как меня земля-то носит. Рассказал я это на исповеди, – само собой, не все, всего не скажешь, – и обещался сделать доброе дело, а потому и решаюсь, коли вы согласны, потратить мои денежки на постройку часовни, о которой вы говорите.

– В добрый час, – отвечал адвокат, – прекрасно сказано, и я весьма доволен!

– Ну, и я, – сказал тогда портной, – расскажу вам все без утайки. Многонько наворовал я материй, так как если давали мне пять локтей сукна на платье, то уж я его кроил не больше чем из четырех, то же было и с бархатом и с атласом, с дама⁷⁸ и эскарлатом, да и не перечесть, сколько шерсти и шелков прошло через мои руки! И какую бы одежду я ни шил, непременно выкраивал оттуда себе лоскут. Правду сказать, я с этого дела наворовал в свое время на тысячу экю, а то и побольше. И в том я исповедался, так же, как и вы, и такую же наложили на меня епитимью, так что я с радостью уделю от своих сбережений немалую толику, чтобы вместе с вами строить часовню.

– Что правда, то правда, – сказал мельник, – и я, со своей стороны, буду в четвертой части, потому как наворовал столько зерна за свою жизнь, что чудеса, да и только. Мне хоть буасо⁷⁹ зерна на помол принеси – я и оттуда ухитрюсь урвать. И за то обязуюсь войти в долю, чтобы строить часовню.

Так все четверо и договорились, что будут воздвигать часовню. И, будучи уже недалеко от Парижа, стали они судить да рядить, где же эта часовня должна быть выстроена. Адвокат желал, чтобы стояла она подле здания суда, и сержант – также, портной хотел ее строить околи своего дома, а мельник – близ мельницы. Каждый, как говорится, тянул в свою сторону. Тогда заговорил портной:

– Послушайте, господа, что я вам предложу. Есть у меня собака – умней и сметливее ее на всем свете не сыщешь. А вот и сворка, на которой я держу ее; давайте-ка все четверо завяжем глаза и будем держаться за сворку, а собаку пустим вперед, и там, где она остановится, там и стоять нашей часовне.

На что все четверо согласились и, завязав глаза, пустили собаку бежать впереди, а сами шли за нею. И собака долго бежала, нигде не останавливаясь, но наконец стала.

– Что ж, господа, – сказал адвокат, – вот нам и место для нашей часовни. Как мне кажется, собака больше с места не трогается, – развяжем же смело глаза!

И тут все четверо разом сняли свои повязки, и увидели они, что стоят под Монфоконом – виселицей города Парижа. Изрядно же были они удивлены, увидевши, в каком распрекрасном месте приходится им строить часовню! И так будет со всеми вороватыми и недобрыми прево, судьями и адвокатами, сержантами, мельниками и прочими мошенниками, которые без зазрения совести грабят и притесняют простой люд. Их часовням место на Монфо-коне, под виселицей, и не смотрите, что не принято вешать судей и адвокатов. Всех их ждет петля в аду, и да будет ето ведомо тем, кто

⁷⁸ *Дама* – изготовлявшаяся в Дамаске и ввозившаяся в Европу дорогая шелковая материя с вытканными на ней цветами.

⁷⁹ *Буасо* – старая мера сыпучих тел, примерно равная 13 литрам.